

обеспечен наибольший по эффективности диалог, который реален при таких условиях и без перевода.

Однако задача достоверной и образно убедительной передачи ценностей и достижений чужих культур и есть обязанность этнографического музея. В условиях МАЭ коллекции по бамбара дают такую возможность, позволяют не только говорить о локальных и узкорегionalных особенностях жизни населения, но и ставить вопросы методологического характера, обеспечивать передачу жизнеустроительных и морально-этических ценностей близкого к Архаике образа существования. Организующие принципы «жизни в природе» более чем актуальны и для России, и для индустриально развитых стран Запада. Они — эти принципы — дают повод для постановки вопросов о необходимости и неизбежности коррекции цивилизационного развития, о поиске восстановленной гармонии в природе и обществе.

В задачу данного исследования как раз и входило раскрытие реальной жизни бамбара в ее овеществленной, опредмеченной форме на основе хранимых в фондах МАЭ коллекциях.

Африканские коллекции МАЭ и концептуальные проблемы развития музея

МАЭ относится к числу старейших и самых значительных этнографических музеев мира. Общая численность его этнографических, антропологических и археологических коллекций — около миллиона, из них собственно этнографических — 200 тыс. Наиболее известны североамериканские, сибирские, среднеазиатские, индийские, китайские, океанийские коллекции.

Африканские фонды МАЭ насчитывают около 13 тыс. предметов. История их формирования восходит к последней трети XIX в., когда в музей поступили богатые материалы экспедиции В.В. Юнкера по Восточной Африке. Значительный вклад в пополнение африканских фондов внесли русско-эфиопские связи конца XIX — начала XX в. Коллекции по Южной Африке поступили, в частности, от чешского путешественника Э. Голуба. Дореволюционные коллекции по Западной Африке Л. Фробениуса и по Юго-Западной — А. Мансфельда явились в основном результатом обменной деятельности музея. В 1900 г. в дар от проф. Г. Мейера поступили предметы из Бенина.

Революция 1917 г. и последующий этап истории страны надолго прервали связи России с Африкой, и пополнение фондов длительное время оставалось случайным через ограниченные по численности

дары. Определенный перелом в ситуацию внесла собирательская деятельность Д.А. Ольдерогге, одного из основателей советской африканистики, привезшего из своих африканских поездок значительные подборки предметов бытового, хозяйственного и культового назначения.

Восстановленную традицию продолжил и я, привезя из Республики Мали многочисленные коллекции, собранные с ведома, при поддержке и одобрении малийских властей в 1971–1974, 1980–1981, 1996–1997, 2002, 2005 гг. На первых порах при сборе этих коллекций приходилось учитывать лакуны, имевшиеся в фондах МАЭ как по этнической, региональной номенклатуре, так и по структурной номенклатуре сфер материальной и духовной культуры, отраженных в хозяйственном, бытовом, культовом и другом инвентаре.

По мере роста численного и вариативного состава коллекций, а также учитывая возможности материального характера и т.п. комплектование переключилось из преимущественно бытовой и хозяйственной областей в сферу духовной культуры. Соответственно, стала расти доля предметов, которые можно рассматривать как «произведения искусства», ибо степень приложения «духа», мироощущения и мировидения ценностной системы в них значительно выше, чем в предметах других категорий.

С расширением связей со странами Африки после их деколонизации возрос и поток поступлений в МАЭ от частных лиц, посетивших их и работавших там. В итоге собирательской деятельности в МАЭ сосредоточилось значительное число предметов, отражающих или запечатлевших эстетические ценности своих создателей. Таких предметов из Африки в музее даже не сотни, а тысячи. Хотя не все они выходят за рамки произведений декоративно-прикладного искусства, тем не менее собрание скульптуры (деревянной, каменной, бронзовой) весьма значительно. Здесь маски и наголовники бамбара, догонов, сенуфо, менде, йоруба, мпонгве, экой, бакота, баяков, бакуба и др., круглая скульптура бари, варега, бамбара, догонов, сенуфо, бауле, баконго, бавили, балуба и т.д. Часть предметов представляет особый интерес, ибо сборы их относятся к XIX — первому десятилетию XX в., т.е. к тому времени, когда еще не возник «африканский бум» на рынке искусств в Европе и Америке, когда не началась вольная или невольная эстетическая переориентация африканцев на запросы нетрадиционной и, в частности, европейской среды.

Попутно следует отметить, что подобная переориентация могла происходить внутри самой традиции и вследствие европейского спро-

са, и как результат социальных и культурных перемен колониальной эпохи. Это относится к сборам 1920–1950-х годов, которых в МАЭ практически нет. Но еще более это справедливо в приложении к сборам последних десятилетий.

Наличие же базы африканских коллекций, включающих произведения искусства более ранней поры, «зари цивилизации», ставит МАЭ в число наиболее привилегированных собраний Европы и мира. Однако, увы, оно сравнительно мало известно специалистам и мировой общественности. Это замечание дает повод остановиться на исследовательской и собственно музейной практике МАЭ.

Сектор Африки как основное звено Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (в структуру которого до 1992 г. входил МАЭ), ответственное за африканские фонды, возник незадолго до Второй мировой войны, но принципиальное развитие получил в 50–60-е годы XX в. Это была эпоха развернутого изучения Африки в СССР, в котором сектор поначалу выступал одной из ведущих опор. Не случайно из его среды вышли и первый директор созданного в 1959 г. Института Африки в Москве И.И. Потехин, и один из ведущих специалистов СССР по традиционным африканским культурам и обществам Л.Е. Куббель. При относительной ограниченности состава сектора (около 15–20 человек) перед ним стояли задачи широкого и всестороннего охвата проблем этнографического и культуроведческого характера, включая на первых порах и проблемы изучения африканских языков. Все это весьма сужало музейную экспозиционную и исследовательскую работу, которой систематически на протяжении 25–30 лет занимались только 3–4 человека под общим руководством Д.А. Ольдерогге. Теперь, когда сектор сократился, когда в стране возникли другие центры африканских исследований, постоянно этой работой занимаются лишь З.Л. Пугач и В.Н. Семенова. Однако необходимо отметить, что в целом сегодня активность состоявшихся публичных депозитариев африканских коллекций в нашей стране снизилась. Зато стали возникать разнообразные по ценности и качеству подборки частные собрания. Некоторые из них весьма значительны и самим фактом своего существования не только обязывают считаться с собой, но и требуют грамотного введения в оборот отечественной и мировой культуры. К таким недавно сложившимся, но весьма значительным собраниям следует отнести Санкт-Петербургские коллекции И.В. Копытцева и М.Л. Звягина [Арсеньев 2008: 64–68; Африканское искусство 2009]. В отдельных составляющих эти коллекции могут рассматриваться как более репрезентативные, чем даже коллекции

старейшего обладателя африканских фондов России — МАЭ (Кунсткамера) РАН. В этих условиях МАЭ не только не сможет оказаться в стороне от такого процесса, но и должен выработать соответствующую стратегию взаимодействия с собирателями.

Тем не менее достижения за все прошедшее время в области музейной африканистики есть. Фонды систематизированы и каталогизированы, существует постоянная экспозиция, посвященная культуре африканцев, имеются развернутые презентации отдельных разделов фондов, альбомы, интересные, не потерявшие научной и искусствоведческой ценности исследования. Имеется и потенциал для будущих подвижек в музейной деятельности отдела. Основу для такого оптимизма дает и наличие грамотных специалистов, и то, что многие теоретические проблемы культурологии традиционной Африки могут ныне решаться и решаются на вполне современном уровне. Это, в частности, делает возможной и неизбежной разработку новой экспозиции отдела Африки, ориентированной на более или менее отдаленную перспективу. Ибо создание экспозиции в этнографической музее — это не результат, но процесс постоянного совершенствования в соответствии с достижениями науки и экспозиционного дизайна.

Следует отметить, что одной из первых забот МАЭ в ближайшей перспективе будут фонды, которые ныне переполнены и находятся в малопригодных помещениях с неудовлетворительным техническим оснащением.

От «музеев вещей» к «музеям культур»

Наряду с техническими возникают и концептуальные проблемы развития музея. Эстетизация экспозиции, введение в оборот наиболее выразительной, образно насыщенной информации в предметах, дизайнерских экспозиционных решениях, повышение доли произведений искусства и превращение самой экспозиции в творение искусства — вот, на мой взгляд, весьма важная установка на будущее. И она чрезвычайно насущна для собственно африканской экспозиции МАЭ. Однако в связи с этим есть обстоятельства, которые требуют особого рассмотрения.

Еще в начале нашего века приложение понятия «искусство» к продукции африканского «духа» было невозможно по мотивам культурного снобизма западной цивилизации. В лучшем случае к предметам, имеющим черты и признаки художественного творчества африканцев, слово «искусство» (ars, art, arte) фактически прилагалось, но